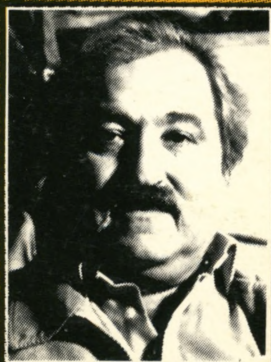
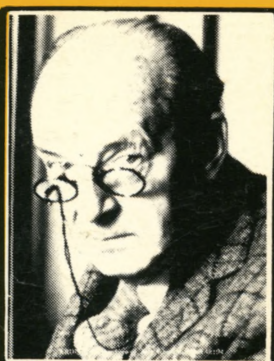
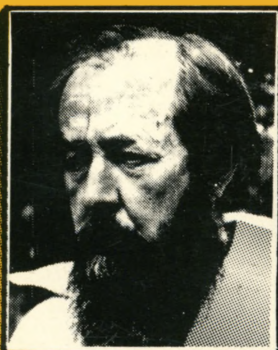

№1(61)

1989 г.

СТРЕЛЫ

АЛЬМАНАХ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Борис ТИРАСПОЛЬСКИЙ

ИСПОЛНЕНИЕ МИССИИ

Получив приглашение выступить на конференции, посвященной Александру Исаевичу Солженицыну и его творчеству, я начал обдумывать то, о чём я хотел бы сказать, и тотчас обнаружил, что всё то, что я могу сказать, будет произнесено в весьма специфическом жанре и только в нём. Жанр этот древний, но свой наиболее полный расцвет получил он в русской литературе за последние лет 70, а если быть совсем точным – в советский её период. Имя этому жанру – панегирик. Некоторые советские писатели так поднаторели в нём, что, забыв о многообразии жанров в литературе, сделали панегирик целым направлением в своём, с позволения сказать, творчестве. Мы знаем панегирики революции и панегирики коллективизации, панегирики вождям и панегирики армии, панегирики дружбе народов и панегирики карательным органам... В последнее время мы наблюдаем феномен появления нового типа панегирика – панегирика "перестройке"...

Однако, когда речь заходит о Солженицыне, нет ничего более противоестественного, несовместимого и взаимоотталкивающегося, чем творчество и мироощущение этого писателя и столь любимый и лелеемый в советской литературе жанр.

Словом, будучи не в состоянии совладеть с могучими тра-

дициями советской литературы, я уже было решил отказаться от участия в конференции, но тут мне на глаза попался один из ранних рассказов Солженицына. Первый и единственный раз прочёл я его много лет назад в январском номере журнала "Новый мир" за 1963 год. Это был "Матрёнин двор" — пронзительная история жизни и смерти Матрёны Васильевны Захаровой, которую Солженицын знал лично. С годами детали рассказа стёрлись в моей памяти, и я перечитывал его как бы заново. Но более всего меня поразило то, что я совершенно забыл конец рассказа. Уверен, что у большинства присутствующих в этой аудитории память лучше, чем у меня, но я, тем ни менее, позволю себе напомнить эти строчки:

"Избу Матрёны до весны забили, и я переселился к одной из её золовок, неподалёку. Эта золовка потом по разным поводам вспоминала что-нибудь о Матрёне и как-то с новой стороны осветила мне умершую...

...Все отзывы её о Матрёне были неодобрительны: и нечистоплотная она была; и за обзаводом не гналась; и не бережная; и даже поросёнка не держала, выкармливать почему-то не любила; и глупая, помогала чужим людям бесплатно (и самый повод вспомнить Матрёну выпал — некого было дозвать огород вспахать на себе сохой).

И даже о сердечности и простоте Матрёны, которые золовка за ней признавала, она говорила с презрительным сожалением.

И только тут — из этих неодобрительных отзывов золовки — выплыл передо мною образ Матрёны, какой я не понимал её даже, живя с нею бок о бок.

В самом деле! — ведь поросёнок-то в каждой избе! А у неё не было. Что может быть легче — выкармливать жадного поросёнка, ничего в мире не признающего, кроме еды! Трижды в день варить ему, жить для него — и потом зарезать и иметь сало.

А она не имела...

Не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни.

Не гналась за нарядами. За одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев.

Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой обшительный, чужая сестрам, золовкам, смешная, по-глупому работающая на других бесплатно, — она не скопила имущества к смерти... Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...

Все мы жили с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша."

Перечитав эти последние строчки, я понял, что обязан выступить на конференции. Мне стало совершенно не важно, в каком жанре будет моё выступление – я готов принять полную ответственность за него. Вдобавок, у меня нет личного знакомства с Александром Исаевичем Солженицыным и поэтому, естественно, никаких личных симпатий тоже нет. Но то, что я почувствовал и понял, представляется мне настолько важным, что я считаю нравственно недопустимым замалчивать это. Творчество и жизнь Солженицына дают замечательный повод для серьёзных и глубоких размышлений. С ними я и хочу поделиться сегодня с вами.

Какие качества создают великого писателя?

В своём автобиографическом очерке "Люди и положения" Борис Леонидович Пастернак пишет:

"Что такое литература в ходовом, распространённом смысле слова? Это мир красноречия, общих мест, закруглённых фраз и почтённых имён, в молодости наблюдавших жизнь, а по достижении известности перешедших к абстракциям, перепевам, рассудительности. И когда в этом царстве установившейся и только потому незамечаемой неестественности кто-нибудь откроет рот не из склонности к изящной словестности, а потому, что он что-то знает и хочет сказать, это производит впечатление переворота..."

Итак, два основных качества определяют великого писателя – "он что-то знает и хочет сказать".

Солженицын воистину знает "что-то". Это "что-то" есть величайшая и вечная тайна – тайна о человеке. Она не может быть вычитана в книгах и не может быть навязана извне. Тайна эта открывается только изнутри через откровение, и живая душа человеческая принимает её как благодать. Но она же защищает самоё себя, превращаясь для тех, кто не имеет глаз, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать, в затёртую фразу, в трюизм.

В самом близком и наименее искажённом виде тайна эта звучит примерно так: "Человек – есть образ Божий, и смысл человеческой жизни состоит в проявлении этого высшего образа через очищение от всего, что является искажением Его истинной природы – Любви, Света и Радости".

Но Солженицын не только знает тайну о человеке, он ещё "и хочет сказать" об этом. Здесь мы встречаемся с ещё одной

тайной, но эта тайна самого писателя. О ней лишь намёк.

Помните пушкинского "Пророка"?

И Бога глас ко мне воззвал:

"Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей,

И обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей."

Великий писатель не столько "хочет сказать", сколько не может не сказать. На него возложена миссия, которую он благодарно принимает на себя и несёт всю жизнь – слово писателя становится животворящим и огненным.

Исполнение такой миссии требует от писателя высочайшей ответственности за каждое слово – написанное или произнесенное – если ещё строже, за каждую мысль.

Исполнение такой миссии требует от писателя полного самозабвения. Слово русское "самозабвение" означает – забыть о себе: забыть о гордыне, тщеславии, корысти, страхе...

Исполнение такой миссии требует от писателя самопожертвования. И здесь творчество и жизнь становятся едины и нераздельны.. За то, что писатель пишет, он отвечает всей своей жизнью и даже смертью.

И, наконец, высшие нравственные критерии, в соответствии с которыми исполняет писатель возложенную на него миссию.

Как-то, давая характеристику одному из поэтов, Борис Леонидович Пастернак сказал: "Как он – поэт этот – может быть хорошим поэтом, если он плохой человек". Можно не сомневаться, что, говоря "плохой человек", Пастернак не имел в виду отношения поэта с соседями по квартире. Пастернак подразумевал высшие нравственные критерии, по которым, очевидно, поэт этот не ориентировался ни в творчестве своём, ни, тем более, в жизни. Высшие нравственные критерии очень часто не имеют ничего общего с расхожей общественной моралью. Иногда они даже противоположны ей. Вспомните Матрёну из "Матрёниного двора" – все отзывы о ней были неодобрительны. Расхожая общественная мораль это то, что пытаются навязать великому писателю во все времена. За примерами в русской литературе далеко ходить не надо. Великий писатель вовсе не обязан прилаживаться к расхожей общественной морали, даже если эта общественная мораль служит интересам объективно-прогрессивного общественного движения. Как раз наоборот – это общественное движение любого толка и, в первую очередь, "объективно-прогрессивное" обязано учиться у

великого писателя высшим нравственным критериям, тем самым, без которых невозможно исполнение никаких миссий – ни духовных, ни социальных.

Ответственность, самозабвение, самопожертвование и высшая нравственность – в совокупности с писательским даром – вот то, что присуще художнику и человеку Александру Исаевичу Солженицыну.

Не надо обладать особым провидческим даром, чтобы утверждать то, что в недалёком будущем откроется многое из того, что сейчас мало или почти неизвестно о нём. В недалёком будущем мы, наверняка, узнаем новое о том, как Солженицын бескорыстно и без какой-либо шумихи щедро помогал огромному количеству людей морально и материально, жертвовал на строительство и поддержание храмов, как старался по крохам сохранить культуру русскую и историю; мы узнаем, что, как и Матрёна, не гнался он за обзаводом... Не выбивался, чтобы купить вещи и потом беречь их больше жизни. Не гнался за нарядами. За одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев... И ещё многое и многое узнаем мы...

И воздадим мы тогда должное Солженицыну, и дифирамбы ему воспоем, и памятники поставим, и улицы назовём, а главное – каяться будем, чтобы потомки наши в строку нам нашу духовную слепоту и глухоту не поставили...

Да только от одной мысли о таком будущем мне становится не по себе. Для того и выступаю сегодня, чтобы в этом будущем не пришлось мне произносить о Солженицыне примерно те же слова, что написаны покаянно о Матрёне Васильевне Захаровой в "Матрёнинном дворе" – не понимали мы Александра Исаевича, "даже живя с ним бок о бок"... Все мы жили в одно время и не поняли, "что есть он тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни земля наша."

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	
<i>Юрий Кублановский</i>	
С доверием к географии. Стихи	4
<i>Юрий Мамлеев</i>	
Отражение. Здравствуйте, друзья! Рассказы	8
<i>Генрих Сапгир</i>	
Этюды в манере Огарева и Случевского. Стихи	17
<i>Владимир Максимов</i>	
И аз воздам. Отрывок из романа	20
<i>Дмитрий Бобышев</i>	
Из книги: Звери Св. Антония. Бестиарий. Стихи	27
<i>Аркадий Бартов</i>	
Кое-что о Мухине. Повесть	37
<i>Татьяна Щербина</i>	
Из книги «Ноль-Ноль». Стихи	62
<i>Сергей Юрьенен</i>	
Медовый месяц. Отрывок из романа «Желание быть испанцем»	69
<i>Анри Волохонский</i>	
Песнь о Хасаре	86
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
<i>Юрий Кублановский</i>	
Мастерство. О прозе Татьяны Толстой	90
<i>Наталья Иванова</i>	
Шоковая терапия	93
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ	
<i>Владимир Набоков</i>	
Знаки и символы. Рассказ	121
<i>Георгий Иванов</i>	
Эллис. Рассказ человека из богемы	128
<i>Юрий Анненков</i>	
Ночное путешествие. Рассказ	137
ЭССЕ	
<i>Василий Аксенов</i>	
Чувство России	148
<i>Борис Тираспольский</i>	
По гамбургскому счету	154
НАШЕ ИНТЕРВЬЮ	
Беседа с Татьяной Толстой. «Идеи гласности и перестройки интеллигенция поддерживает...»	161
Параджанов покоряет Париж (перевод беседы корреспондента газеты «Либерасьон» с Сергеем Параджановым)	174

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Натан Эйдельман

Проблемы и задачи политической истории
России XVII-XIX веков или рассказ о перестройках
с хорошим концом и перестройках с плохим
концом. Выступление в Париже, в Сорбонне,
в июне 1988 года 179

Дора Штурман

Размышления на крутом склоне 189

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Александр Глезер

Живопись на страницах «Огонька» 213

РАЗГОВОР О ЖУРНАЛЕ

Прощаясь с ежемесячником «Стрелец». Беседа
Александра Глезера и Сергея Юрьенена 218

Вадим Крейд

Приветственное слово «Стрельцу» 233

НАША КОНФЕРЕНЦИЯ

Международная конференция,
посвященная А.И.Солженицыну 236

Письмо А.И.Солженицыну
от участников конференции 237

Юрий Кублановский

Приветствие солженицынской конференции 238

Выступление Василия Аксенова 239

Выступление проф. Валерия Сойфера 245

Александр Глезер

Солженицын и эмиграция 249

Дмитрий Бобышев

Два лауреата 254

Галина Бови-Кизилова

Солженицын и Россия — неразделимы 261

Борис Тираспольский

Исполнение миссии 264

Проф. Джон Б. Данлоп

Как Александр Солженицын был почти
реабилитирован и снова предан анафеме 269

Юрий Кублановский

Стиль и историософия «Красного колеса»
А.И.Солженицына 283

Лев Посев

Солженицынские евреи 294

Дора Штурман

Несколько слов к семидесятилетию Солженицына 312

СОЛЖЕНИЦИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА В МОСКВЕ

По сообщению газеты «Нью-Йорк таймс» от 13 декабря 1988 года, в Москве 11 декабря состоялись торжественные собрания, посвященные семидесятилетию А. И. Солженицына. Эти собрания прошли в Доме кинематографистов, Доме Архитекторов и в Доме медицинских работников.

В Доме кино выступили с речами председатель Союза кинематографистов Андрей Смирнов, литературные критики Игорь Виноградов, Владимир Лапшин, Юрий Корякин и главный редактор газеты «Московские новости» Егор Яковлев. Последний сказал: «Мы должны принять его таким, каков он есть» (обр. перевод с англ.). И. Виноградов в своем выступлении, под аплодисменты присутствующих, упомянул «Архипелаг ГУЛАГ». А Ю. Корякин заявил: «Дайте Солженицыну быть антикоммунистом. Достоевский был антикоммунистом, но можем ли мы называть его нашим врагом?» (обр. перевод с англ.).

Отдавая дань мужеству выступавших (напомним, что незадолго до солженицинских торжеств в Москве новый идеолог партии Вадим Медведев объявил на встрече с редакторами газет и журналов, что произведения и само имя писателя не должны больше упоминаться в печати), «Нью-Йорк таймс» замечает, и редакция «Стрельца» к этому замечанию присоединяется, что московские торжества, посвященные А. И. Солженицыну, не могли состояться без разрешения свыше.